

УДК 82.081

Игорь Сергеевич Урюпин,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
Igor Sergejevitch Uryupin
Yelets Bunin State University

**АРХЕТИП МАСТЕРА И ФИЛОСОФИЯ МАСТЕРСТВА
В «ЗАКАТНОМ» РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА**
THE ARCHETYPE OF MASTER AND THE PHILOSOPHY
OF MASTERY IN M. A. BULGAKOV'S «SUNSET» NOVEL

Аннотация: В статье рассматривается национально-культурный архетип мастера в «закатном» романе М. А. Булгакова, выявляется художественная концепция мастерства, корреспондирующая с идеей самозванства как профанации подлинного творчества.

Summary: In article the national and cultural archetype of a master in M. A. Bulgakov's «sunset» novel is considered, the art concept of mastery corresponding to idea of imposture as to the profanation of original creativity comes to light.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», мастер, архетип, самозванство, диалектика вечности и времени.

Key words: M. A. Bulgakov, «Master and Margarita», master, archetype, imposture, dialectics of eternity and time.

Душевно-духовный процесс становления мастера во всей его глубине и сложности волновал М. А. Булгакова на протяжении всего творческого пути. Уже в первых своих произведениях писатель пытался найти *просвет* в непроглядной тьме революционной эпохи. «Тьма. Просвет. Тьма... просвет» [4, т. 1, с. 476], – так определял свою жизнь автобиографический герой «Записок на манжетах», мечтавший о высоком служении искусству, о божественном призвании, о мастерстве, но оказавшийся всего лишь никому ненужным чиновником бессмысленного ведомства – «Лито», за ненадобностью сокращенного вовсе: «С такого-то числа Лито ликвидируется» [4, т. 1, с. 508]. «Да-с, это было сокращение» [4, т. 1, с. 508], – сожалел недавний заведующий редкого «оазиса» культуры, призванного нести свет – просвещение в массы, которые окончательно погружались во мрак воинственного безкультурья эпохи «военного коммунизма». «Как капитан с корабля, я сошел последним. <...> Потушил лампу собственноручно и вышел», оставив истории незаконченные «дела – Некрасова, Воскресшего Алкоголика, Голодные сборники, стихи» [4, т. 1, с. 508]. Чувство грусти, охватившее автора «Записок на манжетах», разочаровавшегося в бездарной политике большевиков в области литературы и искусства, было сродни печальному недоумению / вопрошанию М. Горького – «С кем вы, мастера культуры?» На этот раз М. А. Булгаков, несмотря на прочие идейные расхождения с «мастером» пролетарской литературы, оказался по отношению к нему единомышленником. «После Горького я первый человек» [4, т. 1, с. 494], – не без иронии замечал герой «Записок...»

«Вопросы литературы» и проблема ответственности литераторов-мастеров за все происходящее в стране, за духовно-культурный уровень народа, за его идеалы и ориентиры ставились М. А. Булгаковым не только в иронических «Записках на манжетах», но и в философско-сатирическом романе «Мастер и Маргарита», где представлена целая галерея псевдомастеров-Массолитовцев, противостоящих истинному творцу – мастеру.

Творец-мастер – один из древнейших архетипов, вошедших в культурное сознание человечества. М. А. Булгаков в своем творчестве, апеллируя к национально-мифологическим истокам этого архетипа, не мог не учитывать и западноевропейский духовный контекст – средневековую мистику и масонство, где мастер – высшая степень посвящения в тайны мироздания, тем более, что отец писателя, профессор богословия Киевской духовной академии был крупнейшим специалистом в области эзотерических учений. В фундаментальном труде «Современное франкмасонство (Опыт характеристики)» (1903) А. И. Булгаков раскрыл сущность этого мистического сообщества. Он приводил свидетельства «самих франкмасонов», утверждавших, что их «союз воздерживается от всякого участия в религиозных смутах, производимых различными партиями; он учит уважать и чтить всякую форму исповедания, но прежде всего заботится о том, чтобы члены его в жизни своей проявляли любовь и терпимость друг к другу» [11, с. 399]. Декларируемая масонами сверхидея – духовное совершенствование себя и мира, преобразование микро- и макрокосма есть строительство Храма Духа, «утверждающегося на вечных основах всех верований, на том всеобщем начале, которое можно найти во всякой религии, т. е. на вере в Величайшее бытие, Личное Существо, Строителя вселенной» [11, с. 400–401]. Посвящаемый в степень мастера давал обет любить «истину, которая есть источник всякого блага, избегать лжи – источника всякого зла; искать всяких средств к образованию самого себя, к просвещению своего духа, к укреплению своего разума» [11, с. 403], но «в намерении просветиться» «желающий света должен прежде узреть тьму, окружающую его, и, отличив ее от истинного света, обратить к нему все внимание» [11, с. 412]. Это в полной мере исполнил мастер – заглавный герой заветной книги М. А. Булгакова, попытавшийся в своем романе о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри донести до современного человека свет евангельской истины. Само имя героя, являющегося ярчайшим представителем такого национального феномена, как русская интеллигенция, в современном булгаковедении чаще всего выводят из масонского учения, тем более, что русская интеллигенция, зародившаяся в XVIII веке, в значительной мере формировалась в масонских ложах.

И. Белобровцева, С. Кульюс аргументировано доказывают «присутствие в произведении “масонского” кода», воспроизводимого М. А. Булгаковым «в обобщенном образе, который сложился прежде всего в литературной традиции предшествующего столетия и не был отягощен политическими наслоениями нового календарного века» [1, с. 114]; «введение этого культурного кода» в «закатный» роман «организует пространство мастера: творчество, дар, мастерство неразрывно связаны со смертью, бессмертием и воскресением», «отвечая основному смыслу масонской мистерии» [1, с. 116], которую «разыграл» писатель в «Мастере и Маргарите». Текст произведения, соглашался М. Петровский, «охотно идет навстречу этому истолкованию» [9, с. 52], ведь само масонское («из ритуала ордена иллюминатов» [9, с. 52]) имя героя – мастер, «провоцируя интерпретатора» [9, с. 50], «включает в себя множество обертонов, которыми его озвучивают романский и внероманские контексты» [9, с. 48].

Масонский контекст присутствует в романе по преимуществу лишь во внешних деталях, за которыми отчетливо проступает внутренняя сущность мастера – его русская национальная ипостась духовного скитальца, вечно ищущего Правды и Веры в нравственный Абсолют. Неизменная устремленность к Истине, совпадающая с духом традиционного христианства, исповедуемого русским народом, выработала, по мнению Н. А. Бердяева, «в религиозной формации русской души» определенные устойчивые свойства, такие как «догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры» [3, с. 215]. Булгаковский мастер, будучи художественной реализацией национально-культурного архетипа, – это настоящий подвижник, правдоискатель. Само

слово «мастер» в творческом сознании писателя выступало синонимом *подлинности*, Правды, подменяемой в современном мире дешевой ремесленной подделкой, которую производит на свет посредственность, претендующая на талант. Антитеза *мастер / ремесленник, талант / посредственность* в романе «Мастер и Маргарита» обогащена чрезвычайно сложными историко-культурными и мистико-мифологическими ассоциациями, в том числе масонскими. Актуализируя тему творчества (литературно-художественного – прежде всего, поскольку «масонство занимается поиском потерянного в веках Слова» [1, с. 117]), писатель обыгрывает оппозицию посвященного в неизреченную тайну Духа *творца* и приземленного *профана*, являющуюся семантической разновидностью архетипического противопоставления *мастера* и *самозванца*. Таким истинным творцом в булгаковском произведении оказывается главный герой, прозревший нравственно-этическую глубину христианского учения («О, как я угадал! О, как я все угадал!» [4, т. 5, с. 132]) и запечатлевший ее в своем гениальном романе, который – больше, чем «литература», а его создатель – больше, чем «писатель». «Я – мастер» [4, т. 5, с. 134], – говорил он торжественно Бездомному, «вынимая из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой “М”» [4, т. 5, с. 134], символизировавшей в масонской иероглифике степень мастера и выделявшей его из числа профанов: не случайно таинственный собеседник Ивана «надел эту шапочку и показался» «и в профиль и в фас, чтобы доказать, что он – мастер» [4, т. 5, с. 134]. В роли *профана* выступает начинающий поэт Иван Николаевич Понырев, «пишущий под псевдонимом Бездомный» [4, т. 5, с. 7], не отличающийся особым талантом (в чем и сам признается, точно характеризуя собственные стихи: «Чудовищны!» [4, т. 5, с. 131]) и к тому же подчеркивающий свое *самозванство* (от которого, впрочем, после внутреннего просветления он отречется и возвратит настоящее имя).

Архетипическая антитеза *мастерство – самозванство* проявляет себя в структуре многих образов булгаковского романа, но, пожалуй, самой выразительной фигурой ее реализации является Иван Бездомный. Автор «Мастера и Маргариты» воссоздает процесс духовного преображения этого героя, представляющего собой вариацию библейского архетипа «блудного сына», возвращающегося из «страны далече» к ранее отвергаемым им отеческим заветам, непреходящим моральным ценностям. Путь поэта-богоборца, сочинившего «для очередной книжки журнала», возглавляемого Берлиозом, «большую антирелигиозную поэму» о Христе, проходит от полного отрицания божественного начала мира через сомнения во всемогуществе разума, обусловленные потрясениями от соприкосновения с иррациональным началом, к признанию непреходящей ценности нравственно-этического учения Сына Человеческого. Оказавшийся на Патриарших прудах таинственный незнакомец, заинтересовавшийся ученой беседой литераторов Массолита о «бродячем философе» Иешуа Га-Ноцри, произвел на Ивана неизгладимое впечатление. Более того, под воздействием Воланда, поведавшего историю о «бродячем философе» Иешуа Га-Ноцри, Бездомный открыл для себя иной мир, находящийся за пределами рассудочного постижения, о котором он в силу своего невежества даже и не подозревал.

Сбросивший оковы «всеобъясняющего» материализма, убедившийся в ограниченных возможностях человеческого разума в познании тайн мироздания, бывший поэт Бездомный, вспоминая о сердечном учении мудреца Га-Ноцри, вмиг вырывается за пределы земного пространственно-временного континуума и погружается в «потoki света», льющиеся от «лунной дороги», по которой рука об руку идут Иешуа и Пилат. Так в булгаковском романе художественно реализовалась идея Н. А. Бердяева, которую философ развивал в своей работе «Смысл истории», о том, что «мгновение может быть пережито как блаженная или мучительная вечность» [2, с. 31].

«Мучительную вечность» стоически перенес прикованный к «тяжелому каменному креслу» [4, т. 5, с. 369] прокуратор Понтий Пилат, прощенный Иешуа Га-Ноцри и освобожденный мастером накануне обретения им «блаженной вечности» – долгожданного покоя – «вечного дома» с венецианским окном и вьющимся виноградом, поднимающимся к самой крыше, где единственно возможна радость безмятежного творчества.

Жизнь мастера, представлявшая собой мучительный путь к Истине, неустанный поиск Добра и Любви, сопряженный с потерями и поражениями («Как ты страдал, как ты страдал, мой бедный!» – искренне сочувствовала Маргарита [4, т. 5, с. 373]), лишь на первый взгляд прервалась «в субботний вечер на закате» [4, т. 5, с. 372] в один из «исторических» годов XX века. На самом же деле мастер вырвался из оков времени, преодолев его, но не растворился в космической пустоте в отличие от свиты Воланда, конь которого оказался «только глыбой мрака, и грива этого коня – туча, а шпоры всадника – белые пятна звезд» [4, т. 5, с. 369]. Более того, за пределами земного бытия мастера его вечное бытие не перестало быть *земным*. На прощанье Воланд указал мастеру и Маргарите дорогу, ведущую в романтический мир: «Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет», будете «гулять... под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта» [4, т. 5, с. 371].

Духовное пространство, дарованное мастеру и его возлюбленной («он не заслужил света, он заслужил покой» [4, т. 5, с. 350], – сообщил высшую волю Левий Матвей), которое некоторые исследователи склонны считать «обманом, бесовским наваждением» [8, с. 59], оказывается, скорее, воплощением безмятежной, *спокойной жизни*, включенной в поток особого «экзистенциального времени» [2, с. 31]. По мысли Н. А. Бердяева, «экзистенциальное время», позволяющее наиболее остро чувствовать радость существования, человек способен во всей полноте ощущать в «мгновение творческого экстаза» [2, с. 31]. Его восторженное переживание навсегда запомнил мастер, когда «начал сочинять роман о Понтии Пилате»: «Ах, это был золотой век!» [4, т. 5, с. 135]. Историк оторвался от реальности и глубоко погрузился в эпоху пятого прокуратора Иудеи, выносящего смертный приговор Сыну Человеческому – Иешуа Га-Ноцри, открывшему миру величайшее нравственно-этическое учение о Добре и Милосердии ко всем людям без исключения. М. А. Булгаков художественно претворил открытую Н. А. Бердяевым закономерность: «Не только личная, но и историческая жизнь человека в глубине своей погружена во время экзистенциальное и лишь проецирована во времени космическом и историческом» [2, с. 32]. Личность Иешуа, да и личность самого мастера, «угадавшего» отнюдь не внешнюю фактическую сторону библейских событий (как историк, он прекрасно знал Евангелия и свидетельства античных ученых об Иисусе Христе), а их экзистенциальную сущность (мир мыслей и чувств), в романе соединяют три хронотопа: «ершалаимский» (древний), «московский» (современный) и «космический» (вечный).

Мастер в творческом акте, во время написания своей главной Книги, переживает не только свою личную судьбу, но и судьбу Иешуа Га-Ноцри, причем с такой степенью интенсивности, что одновременно пребывает в двух временных измерениях. Работая над романом о Га-Ноцри, носителе идеи всеобщей Любви, мастер не замечал, как стремителен бег времени: как один миг, пролетела зима, «внезапно наступила весна» [4, т. 5, с. 135], наполнившая его одинокую жизнь светом и смыслом «настоящей, верной, вечной любви» к Маргарите [4, т. 5, с. 209]. «Да, любовь поразила нас мгновенно» [4, т. 5, с. 138], – заметил мастер Ивану Бездомному.

В художественном мире булгаковского романа *мгновение* (в соответствии с историософскими воззрениями русских религиозных мыслителей и, в первую очередь, Н. А. Бердяева) является не только неотъемлемым атрибутом *вечности*, но и, как это ни

парадоксально, его тождеством, ибо в одном мгновении, как в точке, сконцентрирована вся вечность, в самоотверженной любви мастера и Маргариты – абсолютная любовь Иешуа Га-Ноцри к каждому «доброму человеку».

Диалектика *времени и вечности*, определяющая идейно-смысловую структуру произведения, неразрывно связана с «философией творчества», в ней преодолевается диаметрально противоположность *конца и бесконечности*, синтезирующаяся в «вечно длящемся мгновении» [10, с. 97], над которым властен Творец – Бог и творец – художник, ибо, по замечанию В. В. Зеньковского, «художественное творчество есть в то же время *мистическое* приближение к Абсолюту» (Курсив автора) [6, с. 116]. Человек, в творческом акте *приближающийся к Абсолюту*, в русской религиозной философии именовался теургом – боговдохновенным художником, а «понятие “художник” в сознании интеллигенции начала XX века «совершенно покрывало собой» «понятие “мастер”» [5, с. 304].

Осмысливая концепт «*мастер*», в разъяснении которого в булгаковедении «недостатка нет» [9, с. 50], М. Петровский указывал на средневековую мистическую традицию, «уместную при истолковании романа»: мастер в Европе «титовался на тогдашней латыни словом “dompnus”», «означающим одновременно и “господин”, и “Господь”» – «земного и небесного творца» [9, с. 53]. Булгаковский мастер как раз и предстает таким творцом – «*господином-художником*» – *мэтром* (как именует, кстати, писатель Мольера в его жизнеописании [4, т. 4, с. 391]) и вместе с тем теургом – соратником у *Господа*, преодолевающим свое «земное» начало и устремляющимся в творческом порыве к нравственному Абсолюту. Этот творческий порыв оказывается единственно-возможным проявлением мастера, для которого, по замечанию А. П. Казаркина, жизнь есть творчество, а творчество «есть высший акт бытия» [7, с. 13]. Отсюда то «боговдохновенное» состояние героя, которое позволяет ему проникнуть в суть евангельской истории и воплотить ее «вечный сюжет» в своем романе.

Булгаковский мастер – чрезвычайно сложный архетипический образ, вбирающий в себя и органично переплавляющий духовно-культурные традиции России и Западной Европы. В поразительном синтезе русского национального представления о мастере (созидателе, виртуозе, знатоке, чудотворце, искусном художнике) с западноевропейским мистическим учением о мастере как о теурге, посвященном в божественную премудрость сущего, как о медиуме, устанавливающем связь между божественным и земным мирами, проявилась универсальность этого древнейшего архетипа, его философский смысл. К архетипу мастера – светоносца, интеллигента-искателя восходит не только главный герой «закатного» романа писателя, несущий миру свет евангельского учения, но и преобразующийся под его воздействием поэт-безбожник, обретающий Дом – Истину, и «юный врач», раскрывающий весь свой человеческий и творческий потенциал в служении ближнему, доказывающий самому себе и окружающим, что он не самозванец. Архетип мастера, занимающий в художественно-аксиологической системе М. А. Булгакова центральное место, аккумулирует самые разные культурные токи, которые не только взаимодействуют между собой и взаимодополняют друг друга, но и обогащают творчество писателя универсальными смыслами.

Литература

1. Белобровцева, И. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий [Текст] / И. Белобровцева, С. Кульяс. – М. : Книжный.клуб 36.6, 2007. – 496 с.
2. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Текст] // РГАЛИ. – Ф. 1496. – Ед. х. 38. – Оп. 1.
3. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст]: соч. / Н. А. Бердяев. – М. : ЭКСМО-Пресс; Харьков : Фолио, 1998. – 736 с.

4. Булгаков, М. А. Собрание сочинений : в 5 т. [Текст] / М. А. Булгаков. – М. : Худ. лит-ра, 1989–1990.
5. Выготский, Л. С. Педагогическая психология [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : АСТ; Астрель; Хранитель, 2008. – 671 с.
6. Зеньковский, В. В. Из истории эстетических учений: Вл. Соловьев [Текст] // Вестник русского христианского движения. – Р.; NY.; М., – 2003. – № 186. – С. 114–125.
7. Казаркин, А. П. Типы авторства в романе «Мастер и Маргарита» [Текст] // Творчество Михаила Булгакова : сб. ст. – Томск, 1991. – С. 11–27.
8. Крючков, В. П. «Он не заслужил света, он заслужил покой...» Комментарий к «Мастеру и Маргарите» М. А. Булгакова [Текст] // Лит. в шк. – 1998. – № 2. – С. 54–61.
9. Петровский, М. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова [Текст] / М. Петровский. – Киев : Дух и Литера, 2001. – 367 с.
10. Православная энциклопедия [Текст] / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Православная энцикл., 2004. – Т. 8: Вероучение – Владимирско-Волынская епархия.
11. Соколов, Б. В. Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты» [Текст] / Б. В. Соколов. – М. : Яуза; Эксмо, 2006. – 608 с.